

Глава 11

Чэнь Лин никак не мог понять, как он, мужчина, мог кому-то «приглянуться».

К тому же, этому предку семьи Цзян было невесть сколько лет. Старый огурец, хоть и в зелёной краске, всё равно останется старым огурцом. А ему ведь всего двадцать.

Разница в возрасте... слишком велика!

Чэнь Лин был не на шутку напуган.

— Чем я ему приглянулся? — спросил он охрипшим голосом. — Я всё изменю, лишь бы отстал.

Чжао Сюньчану было жаль своего драгоценного ученика, которого присмотрел себе старый призрак, но, судя по всему, сущность эта была не из простых.

— Возможно, его, как и прочую нечисть, привлекает твоя иньская ци. А может... — Чжао Сюньчан ободряюще положил руку ему на плечо, — за долгие годы одиночества он просто захотел найти себе спутника.

«Лучше бы вы молчали, шифу», — подумал Чэнь Лин.

Встретив его полный отчаяния взгляд, Чжао Сюньчан пожалел о своих словах и поспешил исправиться:

— Конечно, это лишь наши с дядями догадки. Твой младший дядя-наставник, кстати, отругал нас за непристойные мысли и сказал, что это простое совпадение.

Это Чэнь Лина ничуть не успокоило.

Чжао Сюньчан засуетился:

— Не бойся, не бойся! Шифу даст тебе ещё один артефакт, с ним ни один призрак к тебе не подойдёт. А кто посмеет — так ты его им по голове!

— Какой артефакт? — без особого энтузиазма спросил Чэнь Лин, поникший, как увядший росток.

Чжао Сюньчан молчал.

Для своих он никогда ничего не жалел. Заведя ученика в дом, он таинственно вытащил из-под кровати большой сундук.

Сундук был набит всякой всячиной. Сгорбившись, старик долго в нём рылся и наконец извлёк со дна старую деревянную печать. Бережно потеряв её, он как бы невзначай бросил её ученику.

Чэнь Лин осторожно поймал печать. Присмотревшись, он изумлённо выдохнул:

— Хуаншэнь Юэчжанъинь!

Это была даосская печать, объединявшая божественную силу Жёлтого Императора, одного из пяти центральных божеств, и призрачную мощь Юэчжана из мира Инь для устрашения злых духов. Её можно было носить как амулет для защиты, а если окунуть в красные чернила или киноварь и поставить оттиск на талисмানে, она многократно усиливала его действие.

Разбитое сердце вновь обрело надежду. Чэнь Лин вертел в руках маленькую печать, его глаза сияли, он не мог налюбоваться на неё.

«Кажется, успокоился».

Чжао Сюньчан с облегчением выдохнул, но в душе у него снова заскребли кошки.

Чтобы не поддаваться искушению и не отобрать печать обратно, он отвернулся.

— Хочешь рассматривать — иди в свою комнату, не мешай мне, — проворчал он.

Чэнь Лин, улыбаясь до ушей, вернулся к себе. Он перерыл все ящики и нашёл подарок, который мама когда-то подарила ему на день рождения.

Это была сделанная на заказ цепочка, длинная и прочная. Раньше на ней висел нефритовый Будда, но он раскололся, защитив его от беды, и с тех пор цепочка лежала без дела.

Продев цепочку в отверстие на печати, он повесил её на шею и спрятал под одежду.

С таким сокровищем на груди настроение Чэнь Лина мгновенно улучшилось. Взяв майку и шорты, он направился в ванную, чтобы принять расслабляющую ванну.

Ванну они установили после того, как арендовали домик. Чтобы было удобнее, выбрали двойную, с функцией массажа.

Чэнь Лин включил массаж и с комфортом откинулся в воде, запрокинув голову и прикрыв глаза. Печать опустилась и теперь покоилась у него на груди.

Клубы пара постепенно заполнили небольшую ванную, тёплый воздух убаюкивал.

Веки Чэнь Лина становились всё тяжелее. После недолгого сопротивления он поддался и заснул.

Он не спал глубоко, лишь дремал. Стрекот насекомых за стеной и журчание воды создавали ощущение, будто он находится где-то в лесу.

В лесу были цветы и травы, насекомые и птицы, захватывающий водопад и журчащий ручей. Вода в ручье была ледяной, от неё пробирала дрожь...

Он резко распахнул глаза и сел в ванне, хватаясь за печать на груди и настороженно оглядываясь.

Вода в ванне была тёплой, но холод, пробежавший по его плечу, был абсолютно реальным. Это было не воображение.

Холод пришёл снова. Окно над ним от порыва ветра распахнулось, и старые петли заскрипели.

Чэнь Лин облегчённо вздохнул и с улыбкой потёр переносицу. Оказалось, он просто не закрыл окно, и в комнату проник сквозняк. Желание нежиться в ванне пропало. Он вылез, быстро вытерся и, схватив одежду, выбежал из ванной.

Ночь прошла спокойно. Чэнь Лин спал крепко, не просыпаясь и не видя снов. Но на рассвете, с первым криком петухов, его разбудил пронзительный плач.

Плач был отчаянным и очень громким.

Чэнь Лин протёр заспанные глаза, широко зевнул и вскоре понял, что звук доносится из виллы Гао Цин.

Плач был настолько громким, что проснулся не только он, но и Чжао Сюньчан, который обычно спал как убитый. В соседних домах тоже началось движение.

Чэнь Лин оделся, обулся и вышел посмотреть. Подойдя к вилле Гао Цин, он увидел соседку, которая, обняв себя за плечи, раздражённо что-то кричала в сторону дома.

Её муж дёрнул её за рукав и тихо сказал:

— Не ругайся так, госпожа Гао ведь не хочет, чтобы её ребёнок плакал.

— Да она просто не умеет с ним обращаться! — пожаловалась женщина. — Раньше хоть и плакал, но мы далеко жили, не так слышно было. А сегодня что такое? У меня уши от этого крика закладывает.

— Доброе утро, тётушка Сун, — подошёл Чэнь Лин.

Увидев недавно переехавшего юношу, женщина немного смягчилась, но тут же нашла новый повод для жалоб:

— Какое уж тут доброе, когда уши разрываются. Так кричит, наверное, голодный совсем.

— Возможно, вы правы, — задумчиво произнёс Чэнь Лин.

Громкость плача была неестественной. Подойдя к вилле Гао Цин, Чэнь Лин почувствовал, как по коже побежали мурашки.

Он постоял у двери около полуминуты, прежде чем Гао Цин открыла. С открытием двери на него хлынула волна пронзительного крика и ледяного холода.

Волосы Гао Цин были в беспорядке, выглядела она измученной. Увидев Чэнь Лина, её глаза вспыхнули, а губы растянулись в неестественной улыбке.

— Господин Чэнь, это вы. Что-то случилось?

— Я слышу, ваш ребёнок всё время плачет. Решил спросить, не нужна ли помощь.

Говоря это, он окинул её взглядом и заметил, что на её руках появились новые царапины, свежие кровавые полосы на светлой коже бросались в глаза.

Заметив его взгляд, Гао Цин вытянула руки.

— У моего малыша отросли ноготки, я ещё не успела их подстричь. Когда он станет поспокойнее, я это сделаю.

Прокричал петух, и солнце выглянуло из-за горизонта.

Чэнь Лин взглянул на алеющий край неба, равнодушно хмыкнул и сделал вид, что собирается уходить:

— Раз у вас всё в порядке, я пойду.

— Не уходите! — поспешно остановила его Гао Цин и с мольбой попросила: — Я как раз собиралась приготовить малышу смесь, не могу оставить его одного. Господин Чэнь, не могли бы вы подняться наверх и присмотреть за ним?

— Конечно, — с улыбкой согласился Чэнь Лин.

Вчера он был здесь ночью, при свете ламп, и ничего не заметил. Теперь же, поднявшись на второй этаж при дневном свете, он увидел, что окна в коридоре и двери в другие комнаты были заколочены. Лишь одна дверь была распахнута, безмолвно приглашая войти.

Плач доносился именно оттуда.

Чэнь Лин подошёл. Окна в комнате были занавешены плотными шторами, в каждом углу стояло по торшеру, отбрасывавшему тусклый жёлтый свет, из-за чего центр комнаты казался ещё темнее.

В центре комнаты стояла детская кроватка — источник шума. Она раскачивалась из стороны в сторону, а подвешенные над ней игрушки вращались под звуки убаюкивающей мелодии.

Прислушавшись, он различил, что в плач и музыку вплетается хихиканье.

— Проголодался? — спросил Чэнь Лин, не сходя с места. — Твоя мама внизу готовит тебе смесь, скоро придёт.

Пухлая ручка высунулась из кроватки и потянулась к Чэнь Лину. Не дотянувшись, её обладатель рассердился и зашёлся в ещё более громком крике.

Ужасающий плач разбил один из торшеров, и угол комнаты мгновенно погрузился во тьму.

— Как шумно, — холодно бросил Чэнь Лин.

Плач, словно в насмешку, стал ещё пронзительнее, грозя проткнуть барабанные перепонки. Хихиканье, до этого едва различимое, теперь звучало так, будто исходило от множества ртов одновременно.

Странно, но Гао Цин внизу, казалось, ничего не слышала и никак не реагировала.

Чэнь Лин сделал два шага вперёд, и содержимое кроватки полностью открылось его взору.

Это был младенец с синюшной кожей. Его ногти были мертвенно-белыми, огромные чёрные зрачки почти полностью закрывали белки глаз. В широко открытом, кричащем рту виднелась кроваво-красная глотка, уходящая в темноту.

Чэнь Лин присмотрелся.

— Притворяешься? — безразлично констатировал он. — Ни одной слезинки.

Плач резко оборвался. Рот младенца растянулся в гротескной ухмылке почти до ушей. Было непонятно, больно ли ему от такого.

— Где Сяо Бао? — ледяным тоном спросил Чэнь Лин.

Зрачки младенца расширились, полностью поглотив белки глаз. Он упёрся ручками в бортики кровати и рывком сел.

Он пошевелил носом, его язык заворочался во рту, издавая странный, хриплый звук:

— Братик, я так голоден, так голоден...

Чэнь Лин отступил на полшага и вытащил из кармана непрерывно вибрирующий Саньцин лин. Он встряхнул его. Младенец издал пронзительный визг. Из его глаз потекли тёмно-красные слёзы, а взгляд наполнился зловещей ненавистью и бесконечной жадностью.

Внизу, на кухне, Гао Цин положила в блендер свежее красное мясо, печень, сердце и залила всё кровью. Нажав кнопку, она включила аппарат.

Острые лезвия завертелись. Через тридцать секунд густая красная жидкость была перелита в бутылочку.

Гао Цин с нежной улыбкой взяла бутылочку и, покачивая бёдрами, стала подниматься по лестнице.

— Малыш, не плачь, мама идёт, — пропела она.

Услышав её голос, Чэнь Лин выхватил из рукава талисман. Маленький младенец оказался на удивление хитрым. Едва завидев талисман, он снова разразился плачем.

Но на этот раз плач был другим — жалобным, испуганным, словно его поймали и жестоко избили.

Чэнь Лин опешил, но тут же всё понял.

«Такой маленький, а уже пытается меня подставить!»

<http://bllate.org/book/13702/1582840>